

а четвертая мировая война была самой страшной:
они насмерть забрасывали друг друга цветами
они играли веселую музыку оглушая друг друга
и пели так пели громко что из ушей других выливалась кровь
и лежали такие холмы свежерадостных трупов
в только что сорванных хризантемах тюльпанах астрах
и было так ярко от этих цветов что я ничего не вижу
я не помню как это было так было глазам больно от цвета.

а в четвертую мировую войну мой брат вышел из дому в школу
а вернулся через шестнадцать лет с трехдневной щетиной и в грязных ботинках
и вместо одной руки у него из плеча вырастала зеленая роза

он выточил себе флейту из собственной кости.
он ее целовал, как женщину.
смерти сказал: подожди, еще не мое время,
я Еву создал себе, теперь заживем.

он вырвал кадык и слепил из него бубенец.
он вложил в него зубы, затрещала душа в бубенце.
дьяволу сказал: больше нет адамова яблока,
как докажешь теперь, что я грешен?

он вены свои натянул между позвонком и грудиной:
говорите, новые гусли!
Богу сказал: ничего у меня не было, но что было, принес Тебе:
хвалю Тебя в гласе флейтнем,
хвалю Тебя в бубенце и во струнах,
хвалю Тебя в хороводе костей моих,
вот такая музыка получилась.

такая земля тонкая стала, почти прозрачная,
как будто живительный чернозем,
не замеченный немцами в сорок первом,
приздумался, постарел, был выпит, стал сантиметровой кашей
из окурков и строительной пыли.
и все же сними обувь свою, ступай не тяжело:
это не та земля, из которой мы вышли,
но это та земля, в которую мы все равно ляжем,
это та земля, которая сделает нас вишнями.

из шипов я вынимаю розу,
как нежное сердце из когтей звериных,
нежное сердце из нежных когтей звериных,
которые защищали его от других когтей.

по тонкому льду боюсь идти, будто я смертен,
по треснутым льдам так боюсь идти, будто я смертен,
я сердце достал из шипов и понес в ладони
из нежных когтей другим, не нежным когтям.

вот они, эти стихи: слезы некие, полкрыла,
костыль для здоровых ног, монолит вместо ребер, железное покрывало.
пальцы над клавиатурой застыли,
и музыка зажила.
пальцы тронули клавиши, и
музыка перестала.

повторяй эту фразу, — говорит учитель, —
пока не ударит набат,
пока ангел не вострубит,
пока эфы не загорятся,
пока музыка не станет музыкой, то есть тем, чем должна стать.
остальное — такой дым,
остальное — такая смерть:
огрызки карандашей, несвежие простыни, пластиковые стаканы,
но когда музыка станет музыкой, то есть даст в себе умереть,
я клянусь онеметь и больше
просить ни о чем не стану.

вот она, эта музыка:

Явление Девы Марии о. Максимилиану Кольбе, когда он был ребенком

Она пришла к нему такая прекрасная что невозможно было смотреть
он стоял перед Ней и сами слезы плакали вместе с ним
Она сказала ему вот в руках Моих два венца
белый и красный белый и красный выбирай один
и Я увенчаю тебя

разреши мне уйти на войну, дорогой отец,
я умираю от счастья, а там столько нужна любовь.
я не создан для неба покойного, для урожайных садов,
для преклоненья колен на аккуратных скамьях по воскресным дням.
Она пришла к нему и раскрыла ладони и вот два венца
белый и красный мальчик Мой выбирай один
и Я не оставлю тебя

невозможно высказать,
как море шумит, как падает снег.
невозможно помыслить,
как горят апельсины на скатерти,
как бесконечен день.
самая ранняя жизнь,
так много музыки
в самой первой струне.

он смотрел на Нее ребенок
и вот два венца
святость и кровь выбирай и Я пойду за тобой
и не помня себя зачарованный он смотрел
как сочится молочный свет сквозь трещины в витражах
как гранатовые цветы прорастают в лучах его

— отец, посмотри, я несу поэзию в собственном рту.
на губах она словно мед, но внутри горька.
она — тернии в горле,
она — роза на языке.
она выжжет мне внутренности,
она убьет меня.

— что ты такое опять придумал, сынок?
ты нем, словно бабочка,
ты беспомощен, ты урод.
не воин, не пахарь, ты не умеешь встать.
не растрчивай воздух, не открывай свой беззвучный рот.

*ты воздух, мне без тебя ни говорить, ни петь.
ты почва, без тебя мне ни двигаться, ни дышать.
когда море за мной придет, я вздохну тобой.
встав, я первым пойду в пучины его смотреть.*

смерть Лорки

что они с тобой сделали!
посмотри, как зелена кровь внизу живота,
как вязок холод, бегущий по позвонку,
посмотри, какие большие умирают руки,
какие волосы молодые слипаются на виске.
какие глаза новые — закрываются —
щоп щоп

радость в печи для накаливания и переплавки металлов в музыку —
утихает

беззвучным ртом пой, лови
гвоздь наступающей вечности

этот почти неподвижный взгляд,
эта воля, отданная в руки другого,
разрешившая себе только желанье
сажать деревья кверху корнями,
перетаскивать неподъемные камни с места на место.
я спускался на самое дно твоего глаза,
но для меня там уже не было места, —
там ослепший от собственного сияния широкоплечий ангел
обращающимся мечом мне преграждал дорогу.

остановись посреди листопада и
посмотри наверх
каштаны детей своих бросили
клены детей отпустили
черные ветви летят нагие —
скелет костра
о отгорел отгорел
отгорел
отгорел
остановись посреди листопада и
посмотри наверх
каштаны детей своих бросили
клены детей отпустили
мокрые ветки над головою
ловят бескрылых птиц
плетут и плетут
небесную паутину

спиной впечатайся в воздух
густой как морская соль
остановись смотри
остановись смотри
до коленной дрожи
до ос осенних под кадыком
детей помяни кленовых
детей помяни каштаных

так лежать тебе и лежать
на земле в земле
и смотреть наверх
так смотреть тебе и смотреть
на решетки голых ветвей
на колючую проволоку ветвей
на просветы между ветвями
лежать и лежать
отгорел отгорел
отгорел отгорел
отгорел

Гомер покидает Аид

сердце земли — Аид,
гранатовое зерно на ладони Аида, небьющийся плод в груди.
белоглазый старик уходит по водам Леты
наверх, в неземной закат:
тот один не узрит Аида, кто пел Аид,
тот один не вкусит от ада, кто создал ад.

так творец узнает свою муку, свое дитя.
так касаются зрячие пальцы аидовых скул.
подряхлевший отец, сыновьей силой храним,
благословив его,
расстается с ним.

сердце небес — Эдем, неразгаданный плод, несовершенный грех,
но поэт не знает о них и идет наверх.

из осиновой вечности, из надмирного бытия наблюдает слепец,
как холодные пальцы Аида снимают венец
с головы недавно вошедшего, вкладывают в уста
два кровавых зерна — причастие наготы,
как желанно забвеньё,
как бесконечны сны.
как Аид раскрывает объятья, встречая последние корабли,
запирает врага.

посмотри, пророк, как мы ладно устроили мир,
по исходу из рая сотворили из персти мир.
и всего в нем довольно: и яда, и вод святых.
а какую печать кладут на черты лица
от рожденья до смерти небьющиеся сердца!
а какие шипы мы взрастили в садах своих!

наши вены отравлены, наши камни горят,
безупречен и радостен наш добровольный ад,
сотворенный из соли земной и картонной слизи.

что ты видишь, певец, возвышающийся над тем?
вот творенья венец:
это мертвые дети, вернувшиеся в элизий.
мертвые дети, вернувшиеся в Эдем.

сегодня такое большое солнце, а ты не видишь
сегодня так громко колокола бьют, а ты не слышишь
сегодня так беспокоились так загорались травы
стал взор мой бел белей чем морская пена

я так часто себя нахожу в чужих зрачках
я так часто себя обнаруживаю в незнакомых местах
волшебные пустоши синеглазые травы
и эта музыка музыка от которой разрывается сердце

тело носило рану как должный груз
сердце жаждало пули как любимых губ
демоны ночных страхов приходили ко мне
слепыми губами искали мое сердце

есть вещи, которых не вынести
есть такие места,
где люди теряют память
есть такие шаги,
которые хуже смерти
и такая любовь,
что лучше выблевать сердце
на собственную постель.

волшебные пустоши! молодые ветра из других миров!
спасительные легенды о королях и львах, неземные цветы.
там, где я должен был радоваться тобой,
я глаз не сомкнул
я нашел свой неожиданный крест

каждое слово, купленное у себя самого
разменной монетой времени, украденного у более важных дел,
у любви например,
пусть оно станет живым,
пусть оно станет таким, чтобы я сгорел,
вслушиваясь в него.

к середине лета деревья пришли ни с чем,
позвоночникам стыдно быть голыми, червяки
забрались в испод,
пожрали бесплодное лакомое нутро.
каждое слово, пусть оно станет таким, как запретный плод,
ведущим к смерти, но гораздо более настоящим, чем
все, что будет написано про него.

сказка Адама

Снился мне сон, в котором Господь говорил со мной. Он звал и звал меня, но я не отвечал Ему. Я слышал Его из кипарисовой тени, укутанный тенью, как покрывалом, и в нетягостном молчании я ожидал Его.

Когда, играя, маленький прячется от большого, большому найти малыша нетрудно: малыш закрывает глаза ладонью, и вот его уже нет. Но взрослый хочет радовать малыша, и еще долго ищет его и зовет по имени из самых дальних углов комнаты. И я, как ребенок, с нетерпеливой радостью ждал, когда Он спустится ко мне, как малыша, приласкает меня.

Снился мне сон, в котором Господь приходил ко мне. Он отрывал меня от земли, качал над нею, носил меня на руках. Он ничего от меня не скрыл. Снилось мне еще, Он приводил меня к цветам, Он показывал меня травам, травы кланялись мне, Он хотел, чтобы каждой из них я дал имя.

Что-то случилось, произошло, оборвалось в груди моей, но что случилось и что оборвалось? Что-то страшное случилось, недоброе. Снилось мне, будто я очнулся, будто однажды Господь нашел меня больным и разбитым в зарослях шиповника. Он звал меня, говорил: что ты? спрашивал, что случилось, но я не знал и не помнил. А помнил я только, как падаю медленно и долго сквозь ветки, и они раздрают мое голое тело, и я удивляюсь первой боли, и я не знаю еще, что теперь так будет всегда. Ведь раньше так не было.

И теперь мне все кажется, Он зовет меня, Он, оставшийся в моем сне, все еще ищет меня в кипарисовых тенях, в травах и зарослях. И мне жутко от того, что я уже проснулся, но все равно слышу Его голос. Я больше не прячусь, но Он не может меня найти.

...

— Папа, почему утешился Иов?

— Спи, мой маленький, мой хороший, еще нет никакого Иова. Мы одни во вселенной.

О ГАСНЕТ СВЕТ

*

пожалуйста, помоги моему сердцу. с тех пор, как оно знает тебя, ему трудно быть.

*

я раскачал качели до самых небес, и дитя улетело в небо. два дня находилось в небе дитя, но, когда вернулось, ста лет не хватило ему, чтобы рассказать про небо.

*

отец сколотил деревянные ящики, чтобы я посадил в них розы. сада у нас не было, но чердак был солнечным и пустынным, так почему бы не вырастить там собственный лес. когда розы цвели, я спал на чердаке, между ящиками, чтобы не упустить ни малейшего нового запаха моих цветов. я ждал рождения каждого цветка, как ждут рождения жаворонка или другого чуда, и я порой просыпался от звука, с которым раскрывается новый бутон. так прошло много лет.

*

песня мальчика была недлинной, но такой была песня, что плакал сатана о забытом Рае, и содрогались тоскующие ангелы, слыша рыдания брата.

*

однажды отец сказал:
— ты плакал во сне.
я знаю, я проснулся плача.

я видел, как долго зреет роза, как трудно вырастить на чердаке, в деревянных ящиках, то, что можно полюбить. я знал, как в горле мальчика рождалась медленно, как бутон, музыка, как под детским небом она распускалась, и птичьим связкам было легко отпустить летящий цветок в недостижимую высоту.

но мне снилось твое лицо. я перестал дышать.

*

сто лет прошло с тех пор, как я раскачал качели. я был рядом, когда умирало дитя, бывшее в небе. умирая, дитя сказала:
в небе я слышало песню
которую пели ангелы
и от песни этой
плакал сатана о
забытом доме
и плакали ангелы о
брате который не вернется
за сто лет дитя не сказала ни слова, кроме слов о небе, и поэтому люди назвали дитя поэтом и осыпали его могилу лепестками всех моих роз, которые в том году цвели особенно долго.

